

Б. МИРСКИЙ

Приходящие справа

Если одни из них — просто нанятые люди, если другие лишены политической совести, — то все же есть среди этих внезапных хвалителей большевизма и те, кто, так или иначе, создают «идеологию» своего перехода на казенные хлеба. В ворохе шаблонов и беженских эпиграмм, — попадаются ценные мысли, освещающие не только, как идут к большевизму, но и кто и главное, почему и откуда. Года полтора назад, приехавший в Париж из России скороспелый приват-доцент, расхваливая большевиков на октябристских митингах, — не раз подчеркивал, что положительная сторона советского строя в том, что он навсегда убил в русском народе веру в демократию, парламентаризм, правовое государство. В этом признании сокрыта основа тех политических настроений, которые приводят от белой мечты к красному знамени, и на них следует остановиться.

Недавно один из основоположников сближения с большевиками, Н. Устрялов напечатал статью «Из записной книжки»¹. Эта статья бросает свет на психику «смены вех». Устрялов славословит Грозного — потому что «народ, изнывавший от гнета и только и мечтавший, что об интервенции, как раз в эти десятилетия ужасов «тиранического правления» взял да и создал великую державу московскую. Народ ненавидел опричнину Грозного... не меньше, чем нынешние чрезвычайки. Он не понимал смысла ломки». Невольно вспоминается другой писатель, пресловутый Наживин², который в разгар деникинской реакции, погромствуя и кликушествуя во царе, той же тенью Грозного грозил «либеральным еврейчикам».

«В большевизме, — продолжает Устрялов, — как и в целостном жизненном явлении, очень много славянофильских мотивов». И это подмечается не как упрек, не как критика; большевизм тем и хорош, — по мнению Устрялова, — что в нем «очень много славянофильских мотивов». Даже в своих взглядах на европейские судьбы, Устрялов недоволен не тем, скажем, что во Франции еще не введен советский строй, а что «политику Франции делают все те же люди третьей республики, демократы и радикалы, для которых последний закон мудрости — по-прежнему *liberte, egalite, fraternite*³ французской революции». Дальше — больше. Устрялов сожалеет об отсутствии клерикализма и откровенно признается: «Я с огромным интересом и вниманием следил за канонизацией Орлеанской Девы⁴, но признаков подлинной «католической реакции» большого масштаба (!) все же не мог найти» и.т.д.

Наконец, как основное ясное политическое исповедание, Устрялов выдвигает приближение к идеям не Маркса, не Ленина, а величайшего пессимиста реакции Константина Леонтьева. «Когда, — откровенно и идейно-громогласно заявляет Устрялов, — размышляешь о применении этих принципов (французской революции) к России, почему-то упорно вспоминается утверждение Константина Леонтьева:

— Никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция»⁵.

В этой цитате, в заимствовании отвращения Леонтьева к западным формам правового демократизма, весь смысл устряловщины. Фраза из леонтьевской книги «Византизм и славянство»⁶ — идейный ключ к Устрялову и многим его товарищам. Западные идеалы демократии, — вот самое ненавистное самое враждебное для них. Отталкивание идет вовсе не по линии правое (антибольшевизм) и левое (большевизм). Не случайно именно эти люди, для которых злобные афоризмы Леонтьева руководящий канон, — пришли к большевизму.

Вся история русской общественности была уделом лишь одной части русского общества; здесь, правда, не было программного единства, тактического объединения, — здесь рядом с надеждами «призрачного конституционализма» шли с бикфордовым шнуром; но здесь была единая тяга к свободе, решительное отталкивание и от Грозного и от Константина Леонтьева, от опричнины и третьего отделения, от гнета, насилия и тьмы. И если теперь к ложному солнцу советской России наивно тянутся взгляды европейцев, обманутых

ложью большевизма, если в рабочих кварталах Европы творится легенда русской пролетарской революции, — то как ни бессмысленно, противокультурно и общеопасно это суеверие, в нем имеется элемент субъективной правоты. Это — ложь, но можно понять заблудших, принимающих болотный огонь за долгожданный свет. Но Устрялов! Но все приходящие к большевизму справа! В чем их вера? Цитатой из Леонтьева они сами отвечают на этот вопрос: «Законная демократическая конституция» т.е. политическая свобода, — их не столь отвращает, им столь ненавистна, что для и Франции они хотят католической реакции, а для России че-ка.

